

ПАРАДОКСЫ ДЕНЕГ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ ЭМАНСИПАЦИИ: НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ФИНАНСОВОМУ КРИЗИСУ

Н.Н. ЗАРУБИНА

Глобальный финансовый кризис создает новые экономические и социальные реалии, требующие переоценки многих базовых социокультурных ценностей и институтов, пересмотра казавшихся ранее несомненными убеждений. Представляется, что одной из наиболее значимых причин кризиса стали сложившиеся в индустриально-капиталистическом обществе установки в отношении денег, породившие финансовые спекуляции и поощрявшие безответственность глобальных игроков. Прежде всего, речь идет о глубоко укоренившемся в обыденном сознании и в научной мысли представлении о том, что деньги дают свободу. К. Маркс, Г. Зиммель и др. показали эмансипирующую роль денег при переходе от традиционного общества к капиталистическому. Э. Гидденс назвал деньги одним из основных факторов «высвобождения» из локальных форм социальной зависимости и регламентации в условиях глобализации.

Однако с универсализацией денежных отношений не только приняло беспрецедентные масштабы освобождение социального актора, но и развились новые формы несвободы индивида. Этот же процесс мы наблюдаем и в связи с появлением в последние десятилетия новых форм денег – электронных наличных и виртуальных денег глобальной финансовой экономики. В результате современный независимый, самостоятельный, самодостаточный человек реально не стал свободнее, чем были люди прошлого. Просто он еще не осознает те зависимости, в которые его ставят деньги, им же самим провозглашенные залогом свободы. Глобальный финансовый кризис стал закономерным итогом парадоксального сочетания беспрецедентной социокультурной раскрепощенности с рабской зависимостью, которые сегодня характеризуют отношение человека к деньгам.

Деньги в буржуазном обществе: от свободы к новому рабству

Свобода является одним из самых противоречивых и сложных понятий в социальной философии и социологии. Существует множество определений свободы, из которых можно выделить характерные для социологии интерпретации ее как

способности индивида действовать, во-первых, в соответствии с собственными интересами и целями при минимальных нормативных и институциональных ограничениях, во-вторых, при отсутствии давления со стороны жестко навязанных ценностных и нормативных образцов, в-третьих, имея возможность плодотворно развивать собственную личность¹.

Связь свободы и денег была отмечена практически всеми исследователями их социальных функций. Деньги способствуют распаду традиционных социальных общностей и индивидуализации: имеющий деньги может с их помощью достигать своих целей, реализовывать желания и удовлетворять потребности, не прибегая более к солидарности и коллективной идентичности. Выбор из максимально широкого спектра возможностей не является предписанным или ограниченным, не определяется никакими нормами или авторитетами. Г. Зиммель утверждал, что деньги в условиях буржуазного рыночного общества освобождают индивида от множества сковывающих его действия зависимостей, эмоциональных и традиционных отношений, личных обязательств, личного контроля с практически всегда присущим ему произволом. Введение денежных расчетов в отношения хозяев и работников, землевладельцев и крестьян, деловых партнеров и т.д. позволило перевести их отношения на *формальный* уровень, предполагающий четкое знание прав и обязанностей, условий контракта, и отменяющий элементы личной пристрастности, эмоций, предубеждений и всего того, что придает личной зависимости особенно тягостное ощущение несвободы: «Устранение личных связей заставляет индивида полагаться на собственные силы, более позитивно воспринимать ту свободу, которую он имел бы при полном отсутствии личных отношений. Деньги это идеальное выражение таких условий»².

Роль денег в эмансипации личности порождает убеждение, что развитие свободы связано с максимальным освобождением денежного обращения, в особенности в сфере рыночной экономики, от каких-либо форм внеэкономической, социальной и культурной регламентации. В XVIII в. возникли концепции «государства — ночного сторожа» и «laissez faire» — минимального вмешательства в хозяйственную жизнь, «экономического человека» и «человека обменивающегося» как носителя «естественного» стремления человека к максимизации прибыли, получаемой из обменов. И, хотя история капитализма в

последующие века наглядно продемонстрировала ограниченность этих взглядов³, уже на рубеже XX — XXI вв., в ходе постсоветского реформирования российского общества, свобода мыслилась прежде всего как устранение государственных и социальных форм регуляции индивидуальной экономической деятельности: чем меньше ограничений, тем больше свободы.

Таким образом, деньги неразрывно связаны с «*негативной свободой*» или «*свободой от*» разного рода ограничений и навязанных образцов. Однако несвобода традиционного общества, при всех ее тягостных для индивида последствиях, имела обратной стороной надежность, стабильность, предсказуемость социального бытия. Индивид, занимающий четко фиксированное и практически неизменное место в социальной иерархии, не стоял перед необходимостью выбора, ибо традиции и нормы практически во всех случаях жизни четко предписывали ему наиболее надежный и одобряемый способ действий. Непосредственные межличностные связи с другими людьми — родственниками, членами общины, корпорации, сословия, с патронами и с зависимыми и т.д. выступали не только источниками несвободы личности, но и гарантами безопасности и устойчивости существования индивида и общества. Угрозы и опасности исходили, как правило, извне социума — от природной стихии, неурожаев, пожаров, смертоносных эпидемий, с которыми люди не умели бороться, а также от враждебной внешней социальной среды. Риски социального характера, связанные с внезапной потерей социального статуса, с необходимостью принятия решений в условиях неопределенности, практически отсутствовали.

Таким образом, деньги становятся фактором освобождения индивида, однако *ценой свободы оказалась утрата стабильности и надежности существования, коллективистской солидарности и уверенности в будущем*. Освобожденный индивид столкнулся с существованием социальных сил, которые становились все более непредсказуемыми. Г. Зиммель подчеркивал эту амбивалентность свободы, отмечая, что, освобождаясь от «принудительных» связей с другими людьми, человек оказывается одиноким перед лицом «объективных» обстоятельств⁴.

Обретаемая на рубеже Нового времени свобода личности — это не только «свобода от», но и «свобода для», *позитивная свобода*, предполагающая активную и независимую роль каждого, необходимость и возможность самому решать свою судьбу, когда все зависит от личных качеств индивида, его продуктивнос-

ти, изобретательности, энергии. А их зримым воплощением стали деньги, постепенно превратившиеся в важнейший фактор свободы и независимости: «капитализм освободил индивида. Он устранил регламентации корпоративной системы, позволил человеку встать на собственные ноги и испытать свое счастье. Человек стал хозяином своей судьбы; он рисковал, но мог и выиграть. Собственные усилия могли привести его к успеху и к экономической независимости. Деньги доказали, что они сильнее происхождения и касты, и тем самым превратились в великого уравнилителя людей»⁵.

Но одним из парадоксов эмансипирующей функции денег оказывается то обстоятельство, что, освобождая индивида от традиционных, «встроенных», по определению Э. Гидденса, т.е. не зависящих от его воли, ограничений, они, в то же время, подчиняют его власти других внешних сил, господствующих над ним и подавляющих его свободу не менее жестко. Появляются *новые формы несвободы, порождаемой деньгами и развитием денежных отношений*.

Несвобода, связанная с развитием денег, является *непредвиденным последствием, оборотной стороной приносимого деньгами освобождения* от традиционных социальных связей и зависимостей, от жесткой нормативной регламентации жизни индивида. Как мы уже говорили, это освобождение повлекло за собой рост неопределенности и ненадежности в социальной жизни и, как следствие, одиночества, неуверенности и тревожности индивидов. Но самое главное, что эта ненадежность и неуверенность усугубляется *ощущением растущей зависимости от неких внешних, непонятных, чуждых человеку и обществу сил*. Реально эти силы олицетворяет рынок с его мало предсказуемыми колебаниями, состояние финансов, которое перестало, как в традиционном обществе, быть стабильным, и также стало подвержено колебаниям, способным обесценить любые капиталы и сбережения. Э. Фромм замечает: «Тот факт, что капитал приобрел решающую роль, означал зависимость экономической, и, следовательно, и личной судьбы каждого от каких-то сил, стоящих над личностью»⁶.

М. Вебер, как известно, показал связь развития духовных предпосылок современного капитализма с протестантской этикой, утверждающей индивидуальную связь человека со всемогущим, но абсолютно недостижимым Богом, произвольно предопределяющим человеческие судьбы. Эта религиозная этика позволила верующим увидеть себя в качестве «орудия Бога», предназначенного для бесконечной работы во славу Его, а успех расценить как благословение и знак избранности. У М. Вебера роль протестантизма в становлении капитализма представляется продуктивной, пробуждающей активность и ответ-

ственность личности. Развитие формальной рациональности оказывается отдаленным и «непреднамеренным» последствием протестантской этики. Э. Фромм в своем исследовании «Бегство от свободы» подчеркивает совсем другие аспекты связи капитализма с протестантизмом. Он отмечает, что, акцентируя порочность и бессилие человека, его ничтожность, полную зависимость от произвола Бога, наделенного чертами «тирана, который не только лишен любви к кому бы то ни было, но не имеет и понятия справедливости», протестантизм порождает чувство одиночества, подавленности, беспомощности перед внешними силами, распоряжающимися судьбой человека⁷.

У человека, оказавшегося в такой ситуации, есть два пути возможного развития. Первый путь — это обретение истинно *позитивной свободы*, которая и должна способствовать заполнению пустоты, преодолению одиночества и потерянности человека, образовавшейся после его освобождения от господствовавших над ним внешних сил и обстоятельств. Позитивная свобода в условиях доминирования рыночного обмена в капиталистическом обществе состоит в необходимости для индивида принимать на себя всю ответственность за собственную судьбу, а также за судьбу своих близких, поскольку больше нет устойчивых социальных институтов — общины, корпорации, церкви и т.п., принимающих эту ответственность на себя.

Другим путем является *намеренный отказ от свободы*, спровоцированный страхом перед личной ответственностью, неспособностью противостоять неопределенности и непредсказуемости бытия. Он выражается в стремлении найти новую мощную силу, которая бы позволила человеку снова чувствовать себя защищенным и наполнила бы жизнь новыми смыслами, сформулировала четкие цели и нормы поведения. Капитализм, хотя изначально и основан на освобождении индивида от личной несвободы традиционного общества, создает предпосылки для «бегства от свободы». «Лютер и Кальвин подготовили человека психологически к той роли, которую ему пришлось взять на себя в современном обществе: он чувствует себя ничтожным и готов подчинить свою жизнь исключительно внешним целям, — пишет Фромм. — Если человек может превратиться лишь в средство для возвышения славы Господней, а Господь не отмечен ни любовью, ни справедливостью, то такой человек достаточно подготовлен и к роли раба экономической машины, а со временем и какого-нибудь “фюрера”»⁸.

Деньги как раз и оказываются воплощением этой самой «экономической машины», рабом которой добровольно становится

человек, отказавшийся видеть свою свободу в чем-либо еще, кроме зарабатывания денег. Свобода принятия ответственности за собственную судьбу воспринимается, прежде всего, как возможность обеспечить максимальный доход, а не как способность продуктивно решать проблемы развития личности, духовного роста, достижения любви и гармонии с окружающими. Деньги как фактор освобождения от различных видов зависимостей превращаются в иллюзию позитивной свободы. По существу, в современном обществе деньги и погоня за ними предстают как уже готовая модель смысла и содержания человеческой жизни, как априорный истинный выбор современного человека. Более того, из продукта исторического развития человеческой деятельности они постепенно самим же человеком превращаются в высшую, господствующую над ним силу, в пользу которой он добровольно отказывается и от собственной личности, и от духовного развития, и от непосредственных связей с другими людьми.

Такое добровольное рабство проявляется в отчуждении подлинных социальных смыслов и мотивов. Деньги, как показал еще Г. Зиммель⁹, являются главным условием реализации всех возможностей и средством достижения всех целей в современном обществе, но они не способны сформировать содержательную, осмысленную мотивацию действий. Они оказываются, пользуясь терминологией Дж. Ритцера, социальным «ничто», пустой социальной формой, которая должна быть наполнена содержанием в контексте развития социальных отношений¹⁰. Поэтому нередко люди, достигшие желаемого благосостояния, заработавшие действительно большие деньги и положившие на это огромные усилия, время, здоровье, принесшие им в жертву мораль и человеческие взаимоотношения, оказываются перед проблемой внутренней бессмысленности, впустую прожитой жизни. Представляется, что развитие в начале XXI в. такого явления, как дауншифтинг, свидетельствует как раз о стремлении обрести позитивную «свободу для» самопознания и развития личности, занятия любимым делом, познания окружающего мира ценой полного или частичного отказа от высоких доходов и статуса.

Виртуальные и электронные деньги:

на пути к «свободе от общества» и к новому Паноптикуму

В современном обществе, наряду с привычными деньгами реального хозяйства и рыночного обмена развиваются но-

вые формы денег, благодаря чему проблема свободы приобретает новые смыслы. *Виртуальные деньги глобальной финансовой экономики* обеспечивают невиданную ранее свободу инвесторов от реального хозяйства, от производства и рынков, а также от социальных связей и обязательств, которые всегда сопровождали развитие экономики. *Новые формы наличных — электронные деньги*, знакомые уже практически всем как пластиковые кредитные и дебетовые карты и «электронные кошельки», дают также небывалую ранее свободу, способствующую становлению общества массового потребления. Но, как мы уже видели, эмансипация индивида с помощью денег рынка реально повлекла за собой новые формы его зависимости. Чем обернется для современного общества беспрецедентная свобода, обусловленная новыми формами денег? Не приведет ли и она к новым формам всеобщей зависимости и новому рабству — у собственных страхов и неуверенности, рисков и незнания ориентиров и перспектив?

Особенность виртуальных финансов состоит в даваемой ими *свободе от реального хозяйства*. Деньги глобальной финансовой экономики оказываются самодостаточными и обладают свойством прирастать или убывать независимо от реальных секторов мировой экономики. В этом смысле деньги приносят финансовым игрокам свободу от условий реального производства и рынка, а также от всех геоэкономических, технологических и социально-нормативных ограничений, связанных с реальным хозяйством. Свобода обращения виртуальных финансов дает возможность глобальным инвесторам переводить их деньги туда, где в данный момент сложились наиболее благоприятные условия роста, при этом «не сталкиваясь с ограничениями достаточно реальными — прочными, твердыми, неподатливыми — чтобы их соблюдение было обязательным»¹¹.

По сути, у виртуальных финансов есть лишь одно предназначение — самовозрастание (не случайно их самая распространенная метафора — мыльный пузырь). В то же время их падение может быть связано с ростом реального производства: нередко случаи, когда усилия по сохранению производства приводят к разорению тех биржевых игроков, которые играли на его понижение. Деньги, таким образом, все больше освобождаются *от связи с реальным процессом труда*. Создаваемые обществом в процессе хозяйственной деятельности, распространяющиеся по мере ее развития, они, в конце концов, превращаются в самодостаточную силу, независимую ни от труда и хозяйства, ни от других сфер общественной жизни, а также и

не определяющую никакие социальные и культурные процессы, замкнутую только на собственное обращение. Именно это позволило Ж. Бодрийяру говорить о «конце политической экономики» в эпоху постмодерна: «Плавающий курс валют и знаков, зыбкость “потребностей” и целевых установок производства, зыбкость самого труда — подстановочный характер всех этих элементов, сопровождающийся безудержной спекуляцией и инфляцией (у нас теперь поистине царство *полной свободы* — вообще ни-к-чему-не-привязанности, никому-не-обязанности, ни-во-что-не-верия...), — ничего подобного Соссюр или Маркс даже не предчувствовали; они еще жили в золотом веке диалектики знака и реальности, который одновременно был “классическим” периодом капитала и стоимости. Ныне их диалектика распалась, а реальность погибла под давлением фантастической автономизации ценности. Детерминированность умерла — теперь царица недетерминированность»¹².

Наиболее ярким последствием свободы, т.е. недетерминированности виртуальных финансов является возможный для тех социальных групп, которые с ними связаны, *отрыв от социальных обязательств* и ответственности перед обществом в целом, а также перед местным сообществом, связь с которым становится временной и необязательной, легко разрываемой. Становятся все менее и менее действенными институты обеспечения коллективных интересов, социальной поддержки, создание которых увенчало борьбу рабочего класса и средних классов капиталистических обществ за их права, поскольку из них молча уходит капитал как одна из договорившихся сторон. Если под свободой понимать именно освобождение от социальных обязательств и связей, тогда, действительно, придется признать, что виртуальные деньги глобальной финансовой экономики являются величайшим эмансипатором. Благодаря даваемой ими свободе, по выражению У. Бека, социальные классы отныне «сидят за разными столами», и никто никому ничем не обязан и ни за что не отвечает.

При этом виртуальные деньги являются для отдельных индивидов, связанных с ними, безличной, абстрактной силой, стоящей вне общества и по большей части вне возможностей контроля со стороны индивидов и социальных институтов. История развития мирового финансового кризиса подтверждает, что нет единства в понимании ни его причин, ни способов регулирования его протекания и определения путей его

преодоления. В условиях кризиса в полной мере проявляется страх, порождаемый зависимостью от виртуальных денег как неуправляемой стихии. Но такой страх, как известно, ведет к желанию отказаться от свободы, даваемой этой стихией. Пока существуют лишь версии относительно того, каким будет посткризисный мир, но история масштабных финансовых кризисов прошлого заставляет прислушиваться к пессимистическим прогнозам относительно того, что человечество ждут новые социальные потрясения, диктатуры, войны.

Эти прогнозы делает более вероятным и то обстоятельство, что деньги, как мы показали, дают лишь весьма ограниченную позитивную свободу. Они не снимают той неуверенности, страха, ощущения ненадежности бытия, которое было вызвано распадом жестких нормативных систем традиционных обществ. Современное «индивидуализированное» в большой степени благодаря финансовой самостоятельности общество стало предельно свободным, поскольку минимизированы нормы и ценности, обязательные для соблюдения и почитания. Однако следствие этой свободы оказывается еще большим бременем, чем ограничения прошлого, поскольку человека обрекает на страдания «не мощное давление идеала, недостижимого для современных мужчин и женщин, а отсутствие идеалов, недостаток подробных рецептов достойной жизни, ясно сформулированных и надежных ориентиров, четко определенной цели жизненного пути»¹³.

Самым удручающим источником беспокойства для современного человека становится не жесткая императивность каких-либо навязанных извне правил, норм, предписаний, а, напротив, их отсутствие. Современный человек свободен в том смысле, что волен сам выбирать образцы действий, но при этом лишен каких-либо ориентиров для выбора. З. Бауман замечает: «И больше нет “Большого Брата, присматривающего за вами”»; теперь это ваша задача — пристально и жадно наблюдать за разрастающимися рядами больших братьев и больших сестер в надежде обнаружить что-либо полезное для вас»¹⁴.

Свобода становится бременем для современного человека, и облегчить его он стремится с помощью новых универсальных, общих псевдо-культов, которым предается со всем возможным энтузиазмом и ради которых с удовольствием отказывается от свободы. Из культа денег и их зарабатывания вполне логично следует культ потребления, интегрирующий современное общество. На первый взгляд, потребление представляется новым проявлением свободы человека, который волен тратить свои деньги так, как ему заблагорассудится. Однако потребление, как и зарабатывание денег, является не свободным выбором, а, во-первых, одной из немногих *норм*, императивно

предписанных современному человеку, практически обязанностью, возложенной на него обществом. Можно согласиться с З. Бауманом, что «способ, которым сегодняшнее общество “формирует” своих членов, диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей. Нормой, которую наше общество внушает своим членам, является способность и желание играть эту роль»¹⁵.

Во-вторых, стандарты потребления могут быть разнообразными, человек выбирает их сам, все социальные и нормативные ограничения, которые накладывались на потребление в добуржуазных обществах, остались в прошлом. Однако это не значит, что современный потребитель полностью свободен в выборе. Осознанно или нет, он руководствуется многочисленными социальными кодами, воспринимаемыми из рекламы и массовой культуры. Подчинение этим кодам является одним из атрибутов успешности, следовательно, оказывается уже не делом свободного выбора, а императивно навязанным обществом индивиду способом поведения. По существу, сегодня связь денег и потребления оказывается перевернутой и извращенной, ибо уже не просто деньги необходимы для потребления, а потребление превратилось в способ означивания денег. Если одной из основных норм описанной М. Вебером протестантской этики была потребительская аскеза именно для состоятельных людей, то современный человек должен потребительской активностью демонстрировать свою состоятельность.

В становлении современного общества потребления развитие денег сыграло особую роль. Дело не только в том, что они освободили потребителя от всех традиционных ограничений, делавших недоступными различные товары и услуги. «Общество потребления» не было бы возможно без *новых форм наличных денег*, делающих процесс постоянного приобретения и потребления благ действительно ничем не ограниченным. По существу, *развитие новых форм денег дало новую свободу современному человеку*. Мы приобретаем товары не только в разнообразных традиционных магазинах — все большее распространение получают Интернет-магазины, теле-магазины, торговля по каталогам и т.п., позволяющие совершать покупки не выходя из дома, в любое время суток, без выходных и обеденных перерывов. Таким образом, доступность потребления становится независимой от пространственно-временных ограничений. Распространение потребительского кредитования делает возможным приобрете-

ние товаров, в том числе и весьма дорогостоящих, не имея реально требуемой суммы денег, минуя процесс длительного рационального накопления необходимых средств.

Все это стало возможным благодаря развитию электронных денег — кредитных и дебетовых карт разного типа, электронных кошельков и т.д., которые позволяют совершать крупные целевые и мелкие повседневные покупки без использования наличных, необходимости их сбережения и хранения, безопасной транспортировки, обременительных подсчетов и прочих неудобств, традиционно связанных с их использованием. Это происходит еще и благодаря развитию электронных способов управления деньгами на счете через Интернет и специальные каналы коммуникации, позволяющие делать это из любой географической точки и в любое время. Таким образом, новые формы наличных денег становятся еще одним фактором свободы в условиях глобальной подвижности индивидов и социальных институтов и способствуют мобильности.

Но новые формы наличных денег предполагают введение новых норм и правил, связанных с их использованием, которые, оказывается, чреватые *новыми видами несвободы и зависимости*, характерными исключительно для современного информационного общества.

Во-первых, если наличные в привычных формах банкнот и т.п. выпускаются и обеспечиваются государством (или союзом государств) и имеют силу на всей его территории, то электронные деньги представляют собой обязательства конкретных банков и финансовых структур и не обладают статусом законного платежного средства на всей территории. Каждый конкретный актор может по собственному усмотрению принимать или не принимать те или иные карты¹⁶. Тем, кто пережил дефолт 1998 г., знакома ситуация, когда кредитные и дебетовые карты ряда банков перестали приниматься, а банкоматы не выдавали по ним наличные. Закрепленное опытом отсутствие доверия к финансовым институтам в нашей стране привело к тому, что большинство держателей дебетовых карт пользовались ими в конце 1990-х — начале 2000-х годов и сейчас пользуются лишь для того, чтобы как можно быстрее снять начисленную зарплату.

Во-вторых, даже без финансовых катаклизмов свободу держателя карты ограничивают чисто технические условия пользования ей: наличие у получателя соответствующих технических средств для снятия денег со счета, их исправность, наконец, бес-

перебойная подача электроэнергии. Стихийные бедствия и иные кризисные ситуации могут привести к отсутствию технической возможности воспользоваться электронными деньгами.

В-третьих, сам эмитент электронных денег, например, электронного кошелька, простейшей формой которого является телефонная или транспортная карта, может поставить ограничения их использования. Кому из москвичей не знакомы ограничения на использование карт для проезда в метро и на наземном транспорте определенным сроком, по истечении которого неизрасходованные деньги пропадают, т.е. отходят к получателю без предоставления соответствующей услуги.

Важнейшим преимуществом, которое дало использование наличных денег, явилась *анонимность сделок*, освободившая социальных акторов от контроля и вмешательства со стороны социальных институтов, групп, индивидов. Электронные деньги лишили своих владельцев этого преимущества. Их использование предполагает наличие соответствующих записей в базах данных финансовых структур, что уже само по себе подрывает их анонимность. Атаки хакеров, компьютерные вирусы, утечки информации, похищения баз данных ставят под сомнение и анонимность, и безопасность как денег, так и их владельцев. Информация о деньгах на карте может стать достоянием криминальных структур, и вообще нежелательных для владельцев денег получателей, а также тех контролирующих органов, от которых ее, возможно, хотели утаить.

Далее, любая совершаемая с электронными деньгами сделка предполагает идентификацию владельца, считывание информации, ее передачу в соответствующие финансовые институты и дальнейшее хранение. Таким образом, ни один платеж, ни одна сделка уже не могут оставаться анонимными, фактически, все связи и хозяйствующие субъекты, и граждан в повседневной жизни оказываются зафиксированными. Заинтересованным субъектам остается лишь взять под контроль эту информацию, и «трудно себе представить, какую форму диктатуры и тирании можно в итоге получить»¹⁷. Все те преимущества, которые получил гражданин и хозяйствующий актор в обществах со свободным рыночным обменом и денежным обращением, окажутся уничтоженными развитием наиболее высокотехнологичных, удобных электронных денег. Позитивной стороной контролируемости электронных денег признается их непригодность в сфере теневой и криминальной экономики, где по-прежнему востребованы наличные деньги. Если рассматривать возможность ухода в тень, в неформальный сектор хозяйства как одно из проявлений свободы маневра для индивида, то электронные деньги ее, безусловно, огра-

ничивают. Однако такое ограничение, при всем его конструктивном характере, все же неоднозначно по своим социальным последствиям. Высказываются точки зрения, что всеобщий тотальный контроль является слишком высокой социальной ценой законопослушания¹⁸, и пока еще не одно общество не выразило готовности ее платить.

Проблемы и социальные противоречия развития электронных денег вполне типичны для информационного общества, в котором *индивидуализация* как процесс эмансипации индивида, предполагающая способность и возможности индивида самому распоряжаться своей судьбой, принимать необходимые решения и нести за них ответственность, сопряжена с процессом *индивидуации*. Под индивидуацией понимается состояние контролируемости современного общества, когда «в поле зрения находится каждый отдельный человек, он известен, на него заведена отдельная запись, в которой значатся его имя, дата рождения, адрес, послужной список, полученные им оценки и личные предпочтения»¹⁹.

Один из наиболее мучительных парадоксов современности состоит в том, что растущая индивидуальная свобода каждого человека сопровождается ростом сложности и организованности общества в целом, что требует сбора и постоянного обновления информации о самых разных сторонах его жизни. Развитие экономики предполагает информацию о разнообразных тенденциях финансового и покупательского поведения населения. Такая информация востребована финансовыми институтами, торговыми и производственными корпорациями и именно о ней идет речь, когда говорят, что в современном мире главным богатством является информация, открывающая путь ко всем другим видам капиталов. Если называть вещи своими именами, то информационное общество в растущих масштабах востребует *слежку* за своими гражданами, постоянно создавая угрозу нового тоталитаризма. Таким образом, оказывается востребованной модель «нового Паноптикума», проанализированная в работах М. Фуко²⁰, и одним из значимых факторов развития этого процесса является развитие электронных денег.

Правда, есть и другая точка зрения на «новый Паноптикум», которую формулируют Ф. Уэбстер, З. Бауман и др. Она состоит в том, что постоянный сбор информации и создание баз данных обо всех сторонах жизни большинства граждан не только облегчает организацию сложных управленческих процессов в современном обществе²¹, но и обеспечивает своего

рода «социальный отбор» при формировании глобальной элиты и интеграцию индивида в социальные группы и институты²². Действительно, чтобы получать кредиты, оплачивать счета, приобретать билеты, получать визы и совершать другие необходимые активному современному человеку действия, необходимо, чтобы о вас существовали соответствующие данные в соответствующих базах. Если же вас там нет, значит, вы не имеете кредитной истории, не представляете интереса в качестве покупателя, не совершаете перемещений в пространстве, не участвуете в социальных сетях и т.д. Таким образом, электронные деньги являются важнейшим фактором формирования «виртуального двойника» современного человека, превращающего его из носителя неповторимой индивидуальности и свободной личности в единицу, «помеченную» в качестве знака универсального кода, замкнутого на самого себя²³. Правда, свобода такой единицы не ограничена никакими внешними социальными или культурными нормами, ценностями, отношениями, институтами, а лишь универсальными формальными правилами кода. Фактически, развитие денег не сделало человека более свободным. Оно просто изменило факторы и формы его несвободы.

Освободившийся от социальных обязательств и культурных идентичностей, межличностных отношений и социальных институтов, современный человек еще в большей степени, чем во времена К.Маркса, оказывается поработленным деньгами как отчужденной формой его собственной социальной сущности. Глобальный экономический кризис является той ситуацией, когда эта несвобода становится наиболее очевидной. А важнейшим уроком, который из этого кризиса можно извлечь, должно стать понимание истинного места денег в жизни общества, если, конечно, к этому пониманию удастся прийти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бауман З. Текущая современность. — М.; СПб.: Питер, 2008. — С. 23 — 24; Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. — С. 55; Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: Изида, 2004. — С.38, 80.

² Simmel G. The Philosophy of Money. — L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. — P. 303.

³ Представления о рынке как продукте социального конструирования и о роли государства в его формировании развивает современная социология рынков (см.: Радаев В.В. Социология рынков: к фор-

- мированию нового направления. — М.: ГУ-ВШЭ, 2003. — С. 28 — 32). Опровержение представлений о скорейшем разрушении традиционных, в особенности государственных форм регламентации хозяйственной деятельности как наиболее эффективном пути модернизации общества содержится в работах по теории модернизации, в том числе Ш. Эйзенштадта (см.: *Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity.* — N.Y., 1973. — P. 55 — 59).
- ⁴ *Simmel G. The Philosophy of Money.* — P. 199.
- ⁵ *Фромм Э.* Бегство от свободы... — С. 58.
- ⁶ Там же. — С. 57.
- ⁷ См.: Там же. — С. 71, 83.
- ⁸ Там же. — С. 84.
- ⁹ *Simmel G. The Philosophy of Money...* — P. 232.
- ¹⁰ См.: *Ritzer G. The Globalization of Nothing.* — L.: Pine Forge Press, 2004. — P. xi, 3, 18.
- ¹¹ *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004. — С. 22.
- ¹² *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — С. 52.
- ¹³ *Бауман З.* Индивидуализированное общество... — С. 55.
- ¹⁴ *Бауман З.* Текучая современность... — С. 37.
- ¹⁵ *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. — С. 116.
- ¹⁶ *Юров А.В.* Наличные деньги в эпоху развития электронных технологий // Деньги и кредит. 2001. № 10. — С. 8.
- ¹⁷ *Юров А.В.* Наличные деньги в эпоху развития электронных технологий. — С. 9.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. — М.: Аспект-Пресс, 2004. — С. 282.
- ²⁰ См.: *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. — М.: Праксис, 2002 (Око власти. Власть и стратегии. Дисциплинарное общество в кризисе и др. статьи).
- ²¹ *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. — С. 308.
- ²² *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. — С. 75 — 76.
- ²³ *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. — С. 63.

Ключевые слова. Деньги, рыночная свобода, эмансипация личности, социальная зависимость, отчуждение, массовое потребление, информационное общество, виртуальные и электронные деньги, финансовый кризис,

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема современного экономического знания — интерпретация денег как фактора социальной эмансипации и одновременно усиления социально-культурной зависимости человека от формализованных, отчужденных социальных отношений, институтов, включающих его в бездуховную атмосферу современного потребительского общества.